

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 830-838, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Channels of Social Mobility of Russian Society: World War I influence

Vadim M. Rynkov^{a,*}

^a Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Science, Russian Federation

Abstract

The article deals with World War I influence on dynamics of social processes in Russia. The subject of the research is limited by the channels of social mobility, which mean horizontal or mainly horizontal movement in social space. The conclusions are based on studying statistic sources and modern historiography. In 1914–1917 due to war influence severe deformation of previously stable working channels of social mobility took place. Large groups of people who had not had any prerequisites of social status change started to migrate. Some channels almost stopped working, such as agrarian migration, seasonal work, but some new ones emerged, such as refugees, captivity, desertion. The war effaced estates boundaries and deformed class groups. Produced by war, the processes of society restructuring are characterized by high level of social entropy – the most important prerequisite of revolutionary explosion of 1917.

Keywords: Social mobility, World War I, population, migrations, call-outs, urbanization, refugees.

1. Введение

Российское общество в начале XX века переживало модернизацию всех подсистем – политической, экономической, социальной. По мере усложнения социальной структуры в нем ускорялись распад старых и формирование новых социальных групп. Эти процессы сопровождались все более интенсивными перемещениями населения в пространстве, а также между социальными группами и внутри них. Социальная мобильность выступала важнейшим проявлением модернизационных процессов и одновременно механизмом их обеспечения. Первое выражалось в очевидном наращивании масштабов социальной мобильности, в формировании новых ее типов; второе связано с появлением кластеров инновационного развития экономики и новых общественно-политических практик, целиком базировавшихся на тех, кто менял, подчас неоднократно, свои социальные статусы.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну стало глубочайшей встряской для всех сфер жизнедеятельности государства и общества. Мобилизация мужского населения в армию, перестройка экономики на военный лад, милитаризация быта и сознания не могли не повлиять на направления и интенсивность социальной мобильности. Очевидно, что нарушение ключевых механизмов функционирования и поступательного развития социума создает напряженность, является одним из индикаторов и в то же время предпосылкой будущего социального взрыва. Этим обусловлена необходимость анализа влияния Первой мировой войны на социальные перемещения внутри российского общества.

2. Материалы и методы

Под социальной мобильностью мы понимаем изменение индивидуумом или группой социальной позиции. Стоявший у истоков концепции социальной мобильности П.А. Сорокин (Сорокин, 2005) выделил горизонтальный и вертикальный типы социальной мобильности, сформулировал такие ее свойства, как интенсивность (число страт, пройденных при социальном движении), охват (численность лиц, осуществляющих социальное движение) и проницаемость

* Corresponding author

E-mail addresses: vadvet@list.ru (V.M. Rynkov)

социальных страт. В отличие от основоположника теории социальной мобильности отметим, что ее порождает не только присущая обществу неоднородность. Причиной перемен в динамике и масштабах социальной мобильности являются переживаемые обществом крупные перемены и особенно социальные катастрофы. Последующие опыты изучения социальной мобильности привели к убеждению, что при смене социального статуса часто мировоззрение, закрепленные опытом социальные практики и привычная самоидентификация долго связывают индивида с тем слоем, из которого он вышел. Мобильность сопровождается психологической инертностью. Этим обусловлена возможность всплеска традиционализма в условиях динамичных, но органически не вызревших в недрах самого общества перемен в функционировании параметров социальной мобильности.

В настоящем исследовании предметное поле будет ограничено каналами социальной мобильности, под которыми будет пониматься горизонтальное либо преимущественно горизонтальное перемещение в социальном пространстве. Такое социальное движение могло быть как стихийным, так и организованным. Важно, что оно не мотивировалось со стороны власти целью рекрутирования элиты, а со стороны участников – стремлением кардинально улучшить свой социальный статус. Данный подход является новаторским и принят с целью отделить каналы от лифтов, институционально закрепленных передвижений в вертикальном направлении, связанных, как правило, с быстрым прохождением через ступени социальной лестницы. Работа лифтов нацелена на формирование элиты общества и ее ротацию. Их изучение требует специального исследования и должно, в свою очередь, опираться на анализ особенностей функционирования каналов социальной мобильности. Последние, будучи важной чертой социальной жизни, являются также необходимым условием для вертикально направленной динамики.

Рамки статьи не позволяют показать все многообразие социальных процессов, связанных с мобильностью общества, и заставляют ограничиться только наиболее значимыми из них. Источниками для анализа изучаемой научной проблемы выступала социальная статистика. Данные о социальном движении населения в годы Первой мировой войны широко публиковались, хотя не являются полными и требуют критического осмысления и интерпретации. Краткость изучаемого периода обусловила значительные лакуны в характеристике объекта исследования. Частично их удается восполнить путем использования данных из нарративных источников.

3. Обсуждение

Обширная советская и постсоветская историческая литература показывала преимущественно социальную динамику отдельных классов и слоев российского общества в начале XX века: рабочих, крестьян, интеллигенции, вписывая период Первой мировой войны в более длинный цикл социальной истории России. Лишь в последние два десятилетия на российские исторические исследования оказала решительное влияние терминология и методология социальных наук. Историки начали изучать проблему социальной мобильности российского общества в познеимперский период, пытаясь выявить господствующий ее тип, масштабы, интенсивность и доминирующие направления. Б.Н. Миронов в своем фундаментальном исследовании среди прочих социальных характеристик проанализировал и межсословную мобильность. По его расчетам, основные направления социальной мобильности оставались стабильными, но после 1861 г. и, особенно, в начале XX в. возрастала интенсивность. К 1917 г. сословия в основном утратили свои специфические юридически закрепленные черты, общество почти превратилось в классовое. При этом уровень социальной мобильности дворянства, духовенства и городского населения был достаточно высок, а крестьянства – оставался низким, но масштаб социальных перемещений кумулятивно возрастал. Автор отметил, что горизонтальная мобильность охватила значительные массы населения, но при переводе в относительные цифры оказывалась незначительной (Миронов, 2003: 138–148).

В интересующих нас узких хронологических границах тема представляется слабо разработанной. За исключением весьма детально исследованного феномена беженства (Курцев, 1999; Gatrell, 1999; Sanborn, 2005; Gatrell, 2015), изучение социальной мобильности в годы Первой мировой войны пока ограничивается уровнем анализа микропроцессов (Стрекалова, 2003; Щетинина, 2008).

Можно отметить две попытки определить влияние мировой войны на тип социальной мобильности в целом. Питер Гатрелл назвал социальные перемены времен Первой мировой войны России потрясением. Он охарактеризовал их как масштабные социальные перемещения, перемешивание «плебейских и маргинальных слоев» друг с другом, а также возникновение условий для существенно более интенсивного взаимодействия и обмена социальным опытом рабочих и крестьян с интеллигенцией и средними слоями городского населения (Gatrell, 2005: 79–80). В более поздней совместной с Ником Бароном статье подчеркнуто продолжительное «эхо» социальных бифуркаций, решительно стиравшие всякие прежние социальные границы (Baron, 2015: 60–67). Совершенно другой подход обозначен в исследовании Н.А. Ивановой. Оговорив разнонаправленность социальных процессов в обществе, она определила их равнодействующую силу как усиление сословного начала и ослабление классового. С ее точки зрения, война замедлила классовообразование и активизировала механизмы сословной консолидации (Иванова, 2014а: 105–106; Иванова, 2014б: 196).

4. Результаты

На первой стадии исследования были установлены ключевые характеристики функционирования лифтов социальной мобильности в предвоенный период, когда Россия переживала мощный экономический подъем. Это обстоятельство способствовало росту социальных перемещений. На первый взгляд, наиболее значимый с точки зрения модернизационных перспектив являлся восходящий тип социальной мобильности, как через социальные лифты в состав расширявшейся и обновлявшейся элиты, так и за счет роста уровня жизни, более заметного у групп населения, связанных с финансовым капиталом и индустрией. Но в действительности, развитие экономики в значительной степени обеспечивало гибкое горизонтальное социальное перемещение, ставшее предпосылкой и условием для попадания индивидума в социальный лифт.

Самым массовым видом социальной мобильности всегда и в любом обществе следует признать семейную. В России в начале XX в. сосуществовали простые, сложносоставные и большие патриархальные семьи при постепенном росте числа семей первого типа, что медленно упрощало этот вид мобильности. Лишь 23 % мужчин и 4 % женщин вступали в повторный брак. Вне брака в предвоенное десятилетие оставалось в России 4 % мужчин и 5 % женщин (Население..., 2000: 35). Так что условно цикл семейной мобильности можно признать всеобщим. Фаза такого цикла влияет с большой вероятностью на материальное положение семьи, становящейся в среднем богаче по мере того, как она накапливает внутренние ресурсы и человеческий капитал и сокращает долю затрат, необходимых для воспроизводства. Но при этом доходы следует признать достаточно условным показателем. Попытки просчитать дифференциацию и мобильность по данному признаку ведут к получению завышенных показателей, так как не учитывают включенность большинства семей в сети социальных трансфертов, которыми обмениваются соседи, и нуклеарные семьи в рамках родственной взаимовыручки.

Город, концентрировавший 15 % населения, являлся узловым местом слияния целого пучка каналов социальной мобильности. В 1897 г. 1,2% населения городов составляли выходцы из других государств, 30 % – из других губерний, еще 15 % – из других уездов. Причем остальные являлись жителями данного уезда, следовательно, среди них наряду с коренными горожанами находились и крестьяне, переселившиеся в ближайший уездный город. Таким образом, основная часть городского населения – переселенцы, сменившие место проживания (Рашин, 1956: 130). Интенсивные социальные перемещения – служебные, профессиональные, имущественные – охватывали средние слои горожан. Среди них примерно каждый пятый менял свой социальный статус минимум единожды каждое пятилетие. Война принципиально не усилила и не ослабила интенсивность этого движения, но изменила его преобладающее направление с восходящей на нисходящую мобильность (Стрекалова, 2012: 324).

Для сельского населения важнейшим каналом социальной мобильности выступало отходничество – сезонный или временный уход на заработки за пределы своего селения. Как справедливо подметил А.Н. Курцев, масштаб социального движения оказывался выше, чем отражено в статистических данных. За общими показателями численности отходников скрывается большая ротация (Курцев, 2007). Можно говорить о тройном проявлении мобильности в связи с отходом. Во-первых, внешние заработки усиливали социальную дифференциацию среди крестьян, во-вторых, это канал перехода в города на временное или постоянное, хотя часто и нелегальное, жительство, то есть сложные формы урбанизации. И, в-третьих, отходничество стало одним из массовых каналов перехода супругов на латентное положение разведенных.

Отходничество практически полностью поглощало трудовую миграцию и являлось важнейшей формой ее выражения. Далеко не все отходники отправлялись в город. Широко были развиты и аграрные сезонные заработки. Но в начале XX столетия удельный вес неземледельческой миграции стал преобладать над земледельческой (Курцев, 2008: 85).

Другой канал мобильности крестьянства связан с устройством на свободных землях восточных регионов России в рамках столыпинских переселенческих мероприятий. В 1896–1913 гг. на окраины империи переселилось 5,2 млн крестьян (Население..., 2000: 28). За десятилетие 1906–1915 гг. за Урал выехало 3067 тыс. чел. из которых 540 тыс. вернулось обратно. Пик миграций пришелся на 1908–1909 гг., но и 1913–1914 гг. отличались довольно интенсивными перемещениями – 240 и 241 тыс. переселенцев за Урал, 45 и 27 тыс. вернувшихся обратно (Белянин, 2011: 89).

Война кардинально изменила характер и масштабы социального движения в обществе. Не вызывает никаких сомнений, что армия в условиях тотальной войны не только превратилась в главный канал социальной мобильности, но и явилась ее своеобразным мультипликатором, обусловив логику всех прочих перемен в функционировании каналов и лифтов. На военной службе накануне войны состояло 1423 тыс. чел., к 1 мая 1917 г. призвали в войска 14 375 тыс. чел. (Россия...; 1925: 18). Необходимо учитывать нарастающий эффект мобилизации. В первое полугодие войны было призвано 6,5 млн чел., в 1915 г. около 5 млн, в 1916 г. еще 3 млн чел., и за первые два месяца 1917 г. – еще 730 тыс. (Головин, 2001: 79–80).

В сельской местности проживало 85 % населения, в городах – 15 %. Доля мобилизованных из деревни составляла 91,5 %, из городов – 8,5 % (Головин, 2001: 82), что означает примерно вдвое меньшее участие города в призывах, а, следовательно, и вовлеченности горожан в данный по-новому работавший канал социальной мобильности. Из оставшихся вне армии мужчин призывного возраста,

3 млн чел. получили бронь, трудоустроившись на оборонных и приравненных к ним предприятиях, 2 млн чел. остались на оккупированной территории и не попали под призыв, 5 млн чел. оказались физически непригодны к службе. Призывам не подлежали инородцы, в 1915 г. призванные на тыловые работы. Выросшая в десять раз по сравнению с мирным временем армия оттянула на себя до половины трудоспособного населения сельской местности (47,4 % по сельскохозяйственной переписи 1917 г.). В результате демографический потенциал деревни оказался к 1917 г. практически полностью исчерпан (Асташев, 2014: 18–19).

Призывы прервали течение устоявшейся семейной социальной циркуляции. В сельской местности на каждые пять хозяйств из трех на войну ушел один мужчина. Такие семьи перестали функционировать как гармоничный общественный и хозяйственный организм. К 1917 г. 71,9 % труда в крестьянских семьях легло на плечи женщины (Иванова, 2014: 204). Функции хозяина перешли к старшим или младшим мужчинам, а в тех хозяйствах, где мужчин вообще не осталось, со временем их приняла на себя солдатка (Анфимов, 1962: 192; Gatrell, 2005, 73). По разным губерниям доля таких хозяйств колебалась от 21,2 % в Пермской до 44,9 % в Калужской губернии (Анфимов, 1962: 189). Так под влиянием войны искусственно вырос социальный статус женщин, произошла дефеминизация ее семейной, общественной и производственной роли.

Начало войны понизило брачность до 83 % от довоенного уровня, в 1915 и 1916 гг. данный показатель составил 42 % и 43 % соответственно. Его повышение, причем сразу на 22 пункта, произошло в революционном 1917 г. (Труды..., 1923: 104). Демографы считают, что в результате войны было отложено 1 млн 339 тыс. браков. Город оказался менее подвержен эффекту торможения семейно-брачной мобильности. В крупных городах падение брачности к 1916 г. составило лишь 25–35 %. Сокращение рождаемости, наоборот, накапливалось кумулятивно, составив в 1915 г. 12–13 %, в 1916 г. – 34 %, а в 1917 г. – 46 % в сравнении с довоенным периодом. В результате численность неродившихся детей определяют в диапазоне от 4 млн 855 тыс. (Труды..., 1923: 106, 109–110) до 7 млн, а с учетом 1918 г. – до 10 млн (Морозов, 2001: 171–172).

Оторвав кормильцев у миллионов семей, государство озаботилось тем, чтобы эти семьи предохранить от деградации ввиду сокращения доходов. Близкие родственники мобилизованных стали получать пайки. Таким образом, совершенно помимо собственной воли они оказались вовлечены в новую социальную группу членов солдатских и офицерских семей. Необходимо оговориться, что круг получателей пайков постепенно расширялся. Если к 1 января 1915 г. на одного призванного приходилось в среднем 1,5 полных пайка, то в 1 декабря 1916 г. – 1,75. Но, являясь солидным материальным подспорьем в первые месяцы войны, пайковые выплаты постепенно обесценивались и в 1916 г. уже не способны были серьезно поддерживать доход солдатских семей.

Последствия длительного и жесточайшего вооруженного столкновения в семейной сфере не ограничивались только временным отрывом рабочих рук. Многие семьи остались неполными. За годы войны «кровавые» потери (убитые и умершие от ран) составили, по данным Н.Н. Головина, 1 млн 650 тыс. чел., по данным Урланиса – 1 млн 451 тыс. чел. (Уралнис, 1994: 179). Численность больных и раненых оценивается в диапазоне от 4,2 млн чел до 5,15 млн. Из них полностью или частично потеряли трудоспособность 1,15 млн чел. (Головин, 2001: 125; Зумпф, 2014: 65). Существовало несколько видов инвалидности – увечные, хронически больные и страдающие неврозом жертвы контузии. Эти травмы часто совмещались. Они позволяли солдатам и офицерам покинуть фронт, но осложняли адаптацию к мирной жизни. Подчас мужчины из кормильцев становились обузой для семьи, если таковую удавалось сохранить (Зумпф, 2014: 59). Военные потери, миграции и смертность гражданского населения привели к появлению к 1916 г. 2,5 млн беспризорных детей и подростков (Иванова, 2014а: 209).

Еще во время войны началось возвращение с фронта солдат и офицеров. Этот процесс сначала целенаправленно регулировался государством, которое распределяло вернувшихся с войны на несколько групп инвалидов в зависимости от степени потери трудоспособности, и на возвращенных «по брони» в связи с необходимостью поддерживать уровень военного производства. В то же время масса военнослужащих, особенно в 1916–1917 г., дезертировала и попала на незаконное положение. Их разыскивали и подвергали наказаниям, но главным образом насильно возвращали обратно на фронт. К концу 1916 г. сложились значительные группы дезертиров, пользовавшихся возможностью надолго затеряться в прифронтовом хаосе. Часть из них опасалась возвращения в тыл. Они участвовали в мародерстве, грабежах в тылу. Это открывало широкую дорогу для криминализации военнослужащих, причем совершение противоправных действий редко влекло за собою изоляцию в рамках пенитенциарной системы. Впрочем, многим бежавшим с фронта военнослужащим удавалось добраться до дома и спрятаться при посредничестве родных. А.Б. Асташев оценивает общую численность дезертиров в 1–1,5 млн, из которых примерно 200 тыс. было поймано и возвращено на фронт либо подвергнуто наказанию (Асташев, 2014: 480). Со временем стихийная демобилизация стала преобладающей.

Совершенно особым каналом социальной мобильности стал военный плен, в котором оказалось 2,4–3,9 млн российских солдат и офицеров. Их возвращение растянулось до 1922 г. (Асташев, 2014: 23). Никто не проводил подсчеты, какая часть плененных смогла вернуться в свои семьи, адаптироваться к мирной жизни и вернуться к полноценному труду, но, очевидно, меньшая в

сравнении с солдатами и офицерами, вернувшимися домой с фронта. Плен повлиял не только на самих солдат и офицеров, прошедших через его горнило, но и их родных и близких.

Под влиянием войны претерпел кардинальные перемены и характер механического движения гражданского населения. Практически полностью прервался такой его канал, как аграрные переселения. Здесь, правда, сказалась инертность переселенческих мероприятий. Чтобы подготовить семью к переселению, требовалось не менее года. Поэтому первые месяцы войны никак не сказались на численности крестьянских мигрантов. Зато в 1915 г. от прежнего потока осталось едва шестая часть – 27 тыс. переселенцев и 10 тыс. выехавших в обратном направлении (Белянин, 2011: 89). В 1916 г. переселения оказались практически свернуты.

Зато прикрытый канал социальной мобильности сельского населения с лихвой перекрыли потоки беженцев. Само это понятие было юридически определено только в законе 30 августа 1915 г. Ранее официально в качестве получателей материальной помощи признавались только немногочисленные контингенты эвакуированных. Но великое отступление лета 1915 г. превратило беженство в значительную социальную проблему, заставив власть определиться и с официальными дефинициями, и с организационным и финансовым обеспечением вынужденных мигрантов. Пришел на помощь и опыт переселенческого управления по перевозке людей. Между прочим, количество перевезенных за Урал беженцев вполне сопоставимо с численностью переселенцев в предвоенные годы. Но нужно понимать, что подавляющая масса беженцев оседала в прифронтовых губерниях, испытывавших максимальное демографическое давление. Так что само направление и количество мигрантов, цели их миграции несопоставимы с довоенными. Их численность по разным источникам определяется в диапазоне от 3 до 7 млн чел. Тактика выжженной земли, применявшаяся российскими военными, привела к тому, что поток мигрантов включал две разные группы – действительно беженцев и так называемых выселенцев, то есть насильственно изгнанных из своих домов отступавшей армией. Но отделить их друг от друга сложно, в дальнейшем государственная социальная политика маркировала их преимущественно как единую группу беженцев. Большинство из них проживали до бегства в сельской местности, покидать свой дом не планировали и поэтому обладали минимальным потенциалом интеграции в принимающее сообщество. Но даже обладатели востребованных в прошлом профессий среди беженцев, вовлекаясь в трудовую деятельность, почти всегда претерпевали понижение своего профессионального статуса (Щетинина, 2008).

Сельское население сохранило и прежние каналы механического движения в виде отходничества. В частности, по результатам сельскохозяйственной переписи 1917 г. в 35 губерниях европейской части России на 16 млн 525 тыс. мужчин рабочего возраста 7 млн 682 тыс. чел. оказалось призвано в армию (46,4 %), а 2 млн 443 тыс. чел. (14,7 %) занято промыслами (Анфимов, 1962: 190). Часть сельских жителей нанималась на промышленные предприятия, заняв должности, не требовавшие квалификации. Некоторым, устроившимся на железные дороги, металлургические, угольные предприятия, удалось избежать призыва. Еще 1 864 тыс. освобожденных от призыва военнообязанных работали на оборонных предприятиях. Но просчитать, какая часть из них являлась выходцами из деревни, а какая – местными горожанами, не представляется возможным. В то же время, изменился характер отхода в самой деревне. Как отмечал А.М. Анфимов, семьи среднего достатка, обходившиеся ранее собственными трудовыми силами, стали нанимать работников. Поэтому, вероятно, часть земледельческого отходничества была заменена внутридеревенским наймом. С точки зрения советского исследователя, это вело к усилению внутрикрестьянской дифференциации. При этом общее оскудение деревни не подвергает сомнению ни один автор.

Резкий всплеск социальной мобильности наблюдался и в сфере индустриального труда. Совершенно не имеет основания утверждения о сокращении численности промышленных рабочих в годы войны. Они базируются на неверной интерпретации статистических данных. В частности, Н.А. Иванова делает такой вывод, находя подтверждение в одном из авторитетных советских изданий. При этом приводимые ею данные крайне неполны, по ряду показателей учитывают только непрерывно действовавшие в 1913–1918 гг. производства. Статистический эффект сокращения отдельных отрядов рабочего класса возникает в результате потери польских губерний, высокоиндустриализированной части Российской империи. В сопоставимых же границах получался очень серьезный рост. Н.И. Иванова данные обстоятельства, серьезно искажившие общую картину, проигнорировала, а рабочих казенных предприятий в 1913 г. учла дважды (Рабочий класс..., 1982: 246; Иванова, 2014а: 245; Иванова, 2014б: 106–107).

Реальная картина получалась куда более сложная. Перестройка промышленности на военные рельсы обернулась резким усилением ротации кадрового состава индустриальных рабочих. Если основываться на данных промышленной переписи 1918 г., в 1913 г. потеряли работу из-за закрытия фабрично-заводских предприятий 957 тыс. рабочих, а устроились на вновь открывшиеся 1642 тыс. рабочих, что отражало нормальную мобильность промышленных рабочих и общую тенденцию к расширению численности пролетариата. В 1914 г. на закрывшихся предприятиях было занято 16 млн 40 тыс. рабочих, потерявших работу, а на вновь открытых – 19 млн 101 тыс. чел. Таким образом, ротация выросла в 12–15 раз. В действительности она существенно превышала и эти цифры, так как часть рабочих (их точный подсчет не велся) были мобилизованы, а им на смену пришли совершенно новые люди. В 1916 г. уже закрылись предприятия с общим числом рабочих 11 млн 212

тыс., а вновь открытые приняли 21 млн 663 тыс. При этом почти полностью оказалась ликвидирована отрасль, связанная с производством алкоголя, резко сократилась численность занятых на предприятиях, выпускавших гражданскую продукцию, а мощный прирост занятых пришелся на предприятия, добывавшие сырье и работавшие на оборону, как за счет вновь прибывавших в индустрию, так и за счет «перетекания» рабочих на оборонные предприятия из прочих (Кафенгауз, 1994: 175). Следовательно, в действительности кадровая мобильность существенно превосходила указанные объемы за счет межотраслевых перемещений (Кафенгауз, 1994: 207). Промышленная перепись 1918 г. свидетельствовала, что учтенный состав промышленных рабочих в годы войны непрерывно возрастал. В 1913 г. он составил 2 млн 598 тыс. чел., в 1914 г. – 2 млн 667 тыс., в 1915 г. 2 млн 641 тыс., в 1916 г. 2 млн 976 тыс., в 1917 г. 3 млн 24 тыс. чел. Состав пролетариата за три года обновился минимум наполовину, а то и более. С 1913 по 1916 гг. численность рабочих металлообрабатывающих заводов выросла вдвое, причем в конце указанного периода лишь 1/3 из них непрерывно работала на производстве с довоенного времени (Сборник..., 1924: 168–169; Кафенгауз, 1994: 185). Если до войны численность вспомогательного и ремонтного персонала промышленных предприятий составляла 13,1% от общей численности рабочих, то в 1918 – 17,5 %. Возрос и удельный вес служащих. Если до войны на одного служащего приходилось 14,6 рабочих, то к 1917 г. – 11,5 а в 1918 г. – 10,3 (Фабрично-заводская..., 1926: 58, 119 (таблицы)). Итак, с особой интенсивностью росла численность низкоквалифицированного, обслуживающего персонала.

5. Выводы

Вступление России в Первую мировую войну привело к глубокой деформации основных каналов социальной мобильности общества. Война усилила перекосы в процессах урбанизации, подорвала нормальную динамику семейно-брачной мобильности населения, сделав массовыми такие явления, как неполные семьи, сиротство, инвалидность. В ее жерновах перемальвались многочисленные группы населения, для которых в условиях мирной жизни отсутствовали предпосылки для массовой смены социальных статусов. Не приходится удивляться, что одновременно возросли как уровень государственного регулирования социальной мобильности в виде целенаправленной воинской и трудовой мобилизации населения, социальных трансфертов, так и масштабы стихийной социальной динамики. Большинство прежних каналов мобильности наполнились новыми людскими контингентами. К таким каналам можно отнести мобилизации в армию, рекрутированные рабочие в сферу индустриального труда. В то же время нельзя не отметить, что война привела почти к полному свертыванию некоторых каналов социальной мобильности, в частности, аграрных переселений и сельскохозяйственного отходничества, зато породила ряд совершенно новых – плен, дезертирство, инвалидность, беженство.

Война не только не оживила сословные институты в российском обществе, но и деформировала складывавшиеся элементы классового общества. Значение прежнего социального опыта и багажа в виде формальных статусов (сословного, профессионального, имущественного) часто утрачивало решающую роль, уступало место ситуативным факторам, определявшим движение по каналам. Довоенные социальные маркеры, сословные и классовые, уступили место стремительно формировавшимся новым, определявшим параметры реструктуризации общества. Но групповые воззрения и привычки слишком консервативны, в силу чего оказавшиеся в непривычных и неожиданных социальных условиях и ролях массы людей стали взрывоопасным «материалом» – источником социальной энтропии, которая, как известно, на определенной стадии становится средой для перековки социума в новое качество. Подготовленный войной, этот процесс будет запущен в революционном 1917 году.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Литература

- Анфимов, 1962 - Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.). М., 1962. 384 с.
- Асташев, 2014 - Асташев А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014. 740 с.
- Белянин, 2009 - Белянин Д.Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4. С. 15–22.
- Белянин, 2011 - Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 86–95.
- Головин, 2001 - Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.
- Зумпф, 2014 - Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 58–80.

- Иванова, 2014a** - *Иванова Н.А.* Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 187–259.
- Иванова, 2014b** - *Иванова Н.А.* Старые структуры и новые страты (влияние войны на социальные процессы в России) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: мат-лы Международная науч. конф. М., 2014. С. 105–110.
- Кабузан, 1994** - *Кабузан В.М.* О достоверности учета населения в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950 годы: численность, потери, миграции. М., 1994.
- Кафенгауз, 1994** - *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. 848 с.
- Курцев, 1999** - *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 129–146.
- Курцев, 2008** - *Курцев А.Н.* Историческая социомобильность и многообразие м миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2008. № 3(13). С. 82–92.
- Курцев, 2007** - *Курцев А.Н.* Ротационный характер отходничества крестьян России на рубеже XIX–XX века // Научные ведомости Белградского государственного университета: сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 8. С. 93–97
- Миронов, 2003** - *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. 583 с.
- Морозов, 2001** - *Морозов С.Д.* Крестьянская семья в Центральной России в 1897–1917 гг. // Семья в ракурсе социального знания, Барнаул, 2001. С. 159–173.
- Население..., 2003** - Население России в XX веке. В 3-х т. Т.1. М., 2003. 463 с.
- Рабочий класс..., 1982** - Рабочий класс России (1907 – февраль 1917 гг.) М., 1982. 463 с.
- Рашин, 1956** - *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. 352 с.
- Россия..., 1925** - Россия в Первой мировой войне (в цифрах). М., 1925. 103 с.
- Сборник, 1924** - Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924. 481 с.
- Сорокин, 2005** - *Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М., 2005. 588 с.
- Стрекалова, 2003** - *Стрекалова Н.В.* Социальная стратификация и социальная мобильность средних слоев в 1907–1917 гг. (на материалах Тамбова): Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тамбов, 2003. 25 с.
- Стрекалова, 2012** - *Стрекалова Н.В.* Социальная мобильность городских средних слоев в период трансформации российского общества начала XX века: проблемы и перспективы исследования // *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2012. Вып. 9(113). С. 320–327.
- Труды..., 1923** - Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 – 1920 гг./ под ред. М.М. Гран и др. М.; Пг, 1923. Вып. первый. 227 с.
- Урланис, 1994** - *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. М., 1994. 560 с.
- Фабрично-заводская, 1926** - Фабрично-заводская промышленность в период 1914 – 1918 гг., М., 1926. Вып. 1. Промышленная перепись. 131+413 (табл.)+ 131 (прил.) с.
- Щетинина, 2008** - *Щетинина А.С.* Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа. Барнаул, 2008. С. 226–245.
- Baron, 2003** - *Baron N., Gatrell P.* Population displacement, state building, and social identity in lands of former Russian empire, 1917–1923. // *Kritika*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 51–100.
- Gatrell, 1999** - *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. 318 p.
- Gatrell, 2005** - *Gatrell P.* First World War: a social and economic history. Harlow, 2005. 318 p.
- Gatrell, 2015** – *Gatrell P.* Tsarist Russia at war: the view from above, 1914 – February 1917 // *Journal of Modern History*. 2015. Vol. 87. № 3. P. 668–700.
- Sanborn, 2005** – *Sanborn J.* Unsettling the empire: violent migration and social disaster in Russia during the World War I // *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. № 2. P. 290–324.

References

- Anfimov, 1962** – *Anfimov A.M.* Rossiiskaia derevnja v gody pervoi mirovoi voiny (1914–fevral 1917 г.) (Russian village during the World War I (1914–February 1917)). М., 1962. 384 p. (in Russian)
- Astashov, 2014** – *Astashov A.B.* Russkii front v 1914 – nachale 1917 г.: voennii opyt i sovremennost (Russian front in 1914 – beginning of 1917: military experience and modern era). М., 2014. 740 p. (in Russian)
- Beljanin, 2009** – *Beljanin D.N.* Osnovnie napravlenija dejatelnosti pereselencheskoj organizatsyi Zapadnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny (The main activity directions of migration organizations in Western Siberia during the World War I), Altay State University News, 2009, Nr. 4-4, pp. 15-22 (in Russian).

- Beljanin, 2011** – *Beljanin D.N.* Pereselenie krestjan v Sibir v gody Stolypinskoj agrarnoi reformy (Peasants resettlement to Siberia during Stolypins agrarian reform), Russian history, 2011, Nr. 1, pp. 86–95 (in Russian).
- Golovin, 2001** – *Golovin N.N.* Voennye usilija Rossii v Mirovoi vojne (Russian military efforts during the World War I). M., 2001, 440 p. (in Russian).
- Zumpf, 2014** – *Zumpf A.* Invalidnost i ekspertiza vo vremja Pervoi mirovoj vojny (Disability and expert examination during the World War I), Russian Great War: Social order, public communication and violence at the turn of Tsarist and Soviet eras. M., 2014, pp. 58–80 (in Russian).
- Ivanova, 2014a** – *Ivanova N.A.* Demograficheskie i sotsialnye protsessy (Demographic and social processes), Russia during the World War I: economic situation, social processes, political crisis. M., 2014, pp. 187–259 (in Russian).
- Ivanova, 2014b** – *Ivanova N.A.* Starye struktury i novye straty (vlijanie vojny na sotsialnye protsessy v Rossii) (Old structures and new striations), Russia during the World War I, 1914 – 1918. Materials of scientific and practical conference. M., 2014, pp. 105–110 (in Russian).
- Kabuzan, 1994** – *Kabuzan V.M.* O dostovernosti ucheta naselenija v gody Pervoj mirovoj vojny (About authenticity of population registration during the World War I), Population of Russia in 1920–1950s: number, casualties, migrations. M., 1994, pp (in Russian).
- Kafengauz, 1994** – *Kafengauz L.B.* Jevoljucija promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednjaja tret' XIX v. – 30-e gody XX v.) (Evolution of industrial manufacturing in Russia (last third of XIX – 30s of XX)). M., 1994, 848 p. (in Russian).
- Kurcev, 1999** – *Kurcev A.N.* Bezhenstvo, Rossija i pervaja mirovaja vojna (Refugees, Russia and World War I) (Materials of international colloquium). St. Petersburg, 1999, pp. 129–146 (in Russian).
- Kurcev, 2008** – *Kurcev A.N.* Istoricheskaja sociomobil'nost' i mnogoobrazie migracij naselenija Central'nogo Chernozem'ja (Historical social mobility and diversity of population movement in Central Black earth area in 1861–1917), Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2008, Nr. 3(13), pp. 92–92 (in Russian).
- Kurcev, 2007** – *Kurcev A.N.* Rotacionnyj harakter othodnichestva krest'jan Rossii na rubezhe XIX–XX veka (Rotational character of peasants' seasonal work at the turn of XIX–XX centuries), Scientific journal of Belgrad State University: History. Politology. Economics. Information Technology, 2007, Nr. 8, pp. 93–97 (in Russian).
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) (Social history of Russia during the period Empire (XVIII – beginning of XX century)) in two volumes. St. Petersburg, 2003, 583 p. (in Russian)
- Morozov, 2001** – *Morozov S.D.* Krest'janskaja sem'ja v Central'noj Rossii v 1897–1917 gg. (Rural family in Central Russia in 1897–1917), Family from the perspective of social knowledge. Barnaul, 2001, pp. 159–173 (in Russian).
- Naselenie..., 2003** – Naselenie v Rosii v XX veke (Population in Russia in XX century). In 3 volumes. Vol. 1. M., 2003, 463 p. (in Russian)
- Rabochii klass..., 1982** – Rabochii klass Rossii (1907 – fevral' 1917) (The working class in Russia (1907 – February 1917)). M., 1982, 463 p. (in Russian)
- Rashin, 1956** – *Rashin A.G.* Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.) (Population of Russia during 100 years (1811–1913)), Statistic analytical review. M., 1956, 352 p. (in Russian)
- Rossija..., 1925** – Rossija v Pervoj mirovoj vojne (v cifrah) (Russia in World War I (in figures)). Россия..., 1925 – Россия в Первой мировой войне (в цифрах). M., 1925, 103 p. (in Russian)
- Sbornik, 1924** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Sojuzu SSR. 1918–1923g. Za pjat' let raboty Central'nogo statisticheskogo upravlenija. (Collection of statistical information on USSR. 1918–1923. For five years of the Central statistical department), M., 1924, 481 p. (in Russian)
- Sorokin, 2005** – *Sorokin P.A.* Social'naja mobil'nost'. (Social mobility), M., 2005, 588 p. (in Russian)
- Strekalova, 2003** – *Strekalova N.B.* Social'naja stratifikacija i social'naja mobil'nost' srednih sloev v 1907–1917 gg. (na materialah Tambova). Avtoref. dis. ... kand ist. (Social stratification and social mobility of middle classes in 1907 – 1917 (on Tambov materials). Author's abstract), Tambov, 2003, 25 p. (in Russian).
- Strekalova, 2012** – *Strekalova N.V.* Social'naja mobil'nost' gorodskih srednih sloev v period transformacii rossijskogo obshhestva nachala XX veka: problemy i perspektivy issledovanija (Social mobility of urban middle classes during transformation of Russian society at the beginning of the XXth century: problems and perspectives of the research), Bulletin of Tambov State University. 2012. Issue 9 (113), pp. 320–327 (in Russian).
- Trudy..., 1923** – Trudy komissii po obsledovaniju sanitarnyh posledstvij vojny 1914–1920 gg. (Studies of commission of analysis of war sanitary consequences 1914–1920. Under the editorship of M.M. Gran and others.). M., St.Petersburg, 1923. Issue 1, 227 p. (in Russian)
- Urlanis, 1994** – *Urlanis B.Ts.* History of wars losses. M., 1994. 560 p. (In Russian)
- Fabrichno-zavodskaja..., 1926** – Fabrichno-zavodskaja promyshlennost' v period 1914 – 1918 gg. (Manufacturing industry during 1914–1918, M., 1926. Issue. 1. Industrial census, 131+413 (tables)+ 131 (Appendices) p. (in Russian).

[Shhetinina, 2008](#) - *Shhetinina A.S.* Professional'nyj sostav bezhencev Pervoj mirovoj vojny v Tomskoj gubernii (Occupational structure of World War I refugees in Tomsk Governorate), Historical occupation study: sources, methods, analysis technologies. Barnaul, 2008, pp. 226–245 (in Russian).

[Baron N., 2003](#) - *Baron N., Gatrell P.* Population displacement, state building, and social identity in lands of former Russian empire, 1917–1923. *Kritika*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 51–100. (in English)

[Gatrell, 1999](#) - *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999, 318 p. (in English)

[Gatrell, 2005](#) - *Gatrell P.* First World War: a social and economic history. Harlow, 2005, 318 p. (in English)

[Gatrell, 2015](#) – *Gatrell P.* Tsarist Russia at war: the view from above, 1914 – February 1917. *Journal of Modern History*. 2015. Vol. 87. № 3. P. 668–700. (in English)

[Sanborn, 2005](#) – *Sanborn J.* Unsettling the empire: violent migration and social disaster in Russia during the World War I. *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. № 2. P. 290–324. (in English)

УДК 94(47)

Каналы социально мобильности российского общества: влияние Первой мировой войны

Вадим Маркович Рынков^{a, *}

^a Институт истории Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено воздействие Первой мировой войны на динамику социальных процессов в России. Предметное поле ограничено каналами социальной мобильности, под которыми понимаются горизонтальное либо преимущественно горизонтальное перемещение в социальном пространстве. Выводы основаны на изучении статистических источников и современной историографии. В 1914–1917 гг. под влиянием войны произошла глубокая деформация ранее устойчиво работавших каналов социальной мобильности, по которым стали перемещаться большие группы населения, объективные предпосылки смены социального статуса которых отсутствовали. Некоторые каналы (аграрное переселение, сельскохозяйственное отходничество) оказались практически свернуты, но появились новые – беженство, военный плен, дезертирство. Война нивелировала значение сословных границ и деформировала классовые группы. Порожденные войной процессы реструктуризации общества характеризуются высоким уровнем социальной энтропии – важнейшей предпосылкой революционного взрыва 1917 г.

Ключевые слова: социальная мобильность, Первая мировая война, население, миграции, призывы, уранизация, беженство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vadsvet@list.ru (В.М. Рынков)